

**РУССКАЯ «ПСИХОДЕЛИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»
В КНИГЕ ИЛЬИ СТОГОFF'А «ГРЕШНИКИ»**

Книга И. Стогоff'а «Грешники» (2011) построена как коллективная исповедь представителей поколения 1990-х, молодые годы отдавших продвижению независимой панк- и постпанк-культуры в Петербурге и воспринимавших себя как новый андеграунд. Все они названы по именам: Сева Гаккель (создатель TaMtAm), Олег Гитаркин (лидер группы «Нож для фрау Мюллер»), Юрий Милославский (клубный промоутер), Илья Бортник (независимый продюсер), Илья Чёрт (лидер группы «Пилот»), Андрей Князев (лидер группы «Король и Шут»), Михаил Горшенев, «Горшок» (лидер группы «Король и Шут»), Антон Белянкин (лидер группы «2ва Самолета»), Марк де'Мони (британский аристократ, постоянно живущий в Петербурге), Мистер Малой (рэп-star), Лёха Никонов (лидер панк-группы ПТВП), Сами Хюрскилахти (финский тусовщик, постоянно проживающий в Петербурге), Юрий Долмидошин (светский лев), Фёдор Чистяков (бывший музыкант группы «Ноль»), наконец, сам Илья Стогов (журналист, писатель). Название частей фиксирует динамику совершающегося: «От Ленинградского “Рок-клуба” до клуба TaMtAm (1991–1993), II – «От техно-клуба “Тоннель” до “Модного клуба Грибоедов”» (1994–1997), III – «От клуба DecaDanse до клуба “Опиум”» (1998–2005), а эпитафьи к частям – основное настроение, владевшие молодыми талантами-экстремалами в эпоху распада СССР и восторжествовавшего хаоса. Вот эпитафья ко II части:

Здравствуй, ад,
Я – твой брат.
Здравствуй, брат,
Ты мой ад!

Группа «Химера» [2, с. 112].

Тем поразительнее стремление, несмотря ни на что, отпраздновать пир жизни, реализовать свои желания, «оторваться» по полной, о чем говорит первый эпитаф:

Вчера опять искали свободу –
Чуть не превысили дозу...

Группа «Психея» [2, с. 6].

Свобода понималась как возможность сделать всё, что ни захочешь, и безо всяких внутренних тормозов, абсолютно ни с чем не считаясь. Главным казалось достижение кайфа и превращение в кайф всей своей жизни.

«Когда тебе двадцать – ты просто не можешь не гореть. Вся твоя жизнь – бесконечный адреналин, бесконечный подъем всё выше. От этого наркотика отказаться очень сложно. Люди пытаются продлить свое двадцатилетие до бесконечности» [2, с. 303], – так передает мироощущение своих сверстников молодых лет Федор Чистяков.

Для вышеназванных путь к этому лежал через панк-музыку. К рок-клубовским группам, на которых стали зарабатывать концертные организации, отношение было по преимуществу насмешливое. Сева Гаккель вспоминает: «Меня тошнило от позы, которую приняли рок-музыканты. Им казалось, будто СССР пал от грохота их гитар...» [2, с. 60], и они страшно заносились, не сознавая, что пик их успеха уже позади, а социальный протест в 1990-е выражали все, кому не лень.

«Поколение поэтов 1960-х жило на крошечном пятачке петербургского центра. Там же жили первые музыканты ленинградского «Рок-клуба». <...>

Девяностые были настоящей революцией. В мертвый, камерный петербургский центр ворвались дикари с индустриальных окраин» [2, с. 302].

Другими словами, петербургская панк-культура представляла не интеллигентскую элиту, а городские «низы» и отвечала на запросы «улицы». Ценились всё еще непривычный для России панк-облик и необузданность самовыражения, далеко выходившая за рамки общепринятых норм, ну и, конечно, «сумасшедшая» музыка, возможность максимально «оторваться» в рейве, непосредственными участниками какового являлись присутствующие. Вот как описывает Сева Гаккель первый концерт ТаМтаМ'a:

«Я никогда не видел столько панков в одном пространстве. У них не было никаких сдерживающих центров. Для панков каждый концерт в новом месте должен был стать последним. Меня это пугало и восторгало одновременно. <...>

Народу было столько, что кресла не понадобились. А подушки, которые мы положили на пол, просто растоптали. В туалете оторвали раковину. Всё было закидано бутылками и осколками» [1, с. 62].

«Вставляли» приверженцев панк-культуры «только экстремальные удовольствия» [1, с. 254]. В их числе была психоделия. Более того, утверждение русской панк-культуры проходило под знаком т. наз. *«психоделической революции»*.

Психоделия – 1) «обозначение эффекта воздействия психоделиков – препаратов, вызывающих изменение сознания...», и 2) «комплекс *контркультурных* тенденций, движений, произведений, так или иначе созданных благодаря воздействию психоделиков» [1, с. 139]. Пик ее активности на Западе – 1960-е гг., когда был изобретен ЛСД, лишь с опозданием приравненный к наркотикам, а до поры считавшийся безопасным. Доказывалось, что диэтиламид в мизергиновой кислоте способствует освобождению, а галлюциногенные видения придают новый импульс творчеству. На деле сознание «многих экспериментаторов сгорало, так и не освободившись, и никуда не девалась агрессия, беспричинное *насилие...*» [1, с. 140]. К тому же ЛСД отнюдь не ограничивались. Едва ли не все звезды *«психоделической революции»* разрушили и погубили себя. В книге И. Стогоффа, например, упоминается английский панк-музыкант группы «Sex Pistols» Сид Вишес и сообщается: «В 1978 году девятнадцатилетний Сид охотничьим ножом зарезал свою подружку Ненси Спанген, а когда его под залог выпустили из тюрьмы, тут же умер от передозировки героина» [2, с. 106]. И это не единственный пример саморазрушения.

В России психоделия получила распространение в момент краха советской системы, восторжествовавшего хаоса и криминала, полной неопределенности будущего. В немалой степени она была данью западной моде и расценивалась как средство ухода от

обрушившихся на страну проблем: галлюциногенное измерение предпочиталось реальности. Сильна была готовность жить одним днем, но, как считалось, – по-настоящему: ни в чем себе не отказывая и ни с чем не считаясь. Нравилось и играть со смертью.

По воспоминаниям О. Гитаркина, за ЛСД в ленинградском андеграунде долго принимали Пи-Си-Пи, сварганенный местными химиками-умельцами: «Мозг от этой штуки сворачивался вообще набекрень. Химики выпускали его в безумно концентрированном виде и безо всякой очистки. Разумеется, люди травились. Но даже при самом тяжелом отравлении смертельных случаев не было. Люди пытались сигануть из окна четырнадцатого этажа, но те, кто выживал, все равно принимали Пи-Си-Пи» [2, с. 36]. С помощью наркотиков надеялись преодолевать депрессию, отрешаться от проблем окружающей действительности, перемещаться в «искусственные раи» (Ш. Бодлер). Оказалось: «можно обходиться без всего остального мира. Хочешь играть музыку – наплюй на шоу-бизнес и просто играй! Хочешь быть свободным – приходи к нам и будь!» [2, с. 73]. Популярна была, например, песня «Иду. Курю» Федора Чистякова, воспевавшая наркотики и подававшаяся как протестная (и это при том, что до середины 1990-х государственная борьба с наркотиками не велась). Панк и психоделия оказались неразрывными.

Не только для Михаила Горшенева панк был родом детской волшебной страны, местом, «где ни у кого нет проблем, и люди круглые сутки сочиняют песни» [2, с. 93]. Несмотря на материальные трудности, избранный образ жизни делал счастливыми. Во всяком случае поначалу, ибо обретенная свобода оказалась мнимой, обернувшись наркозависимостью. «Что именно мы употребляем, никто не знал. Какой должна быть доза, известно тоже не было. Четыре дня я не мог даже подняться на ноги. А девочке, которая приняла эту гадость, даже вызвали “скорую”» [2, с. 150], – вспоминает Юрий Милославский.

Наркозависимость – не что иное, как «продажа души дьяволу в чистом виде» [2, с. 106], – формулирует Андрей Князев. Ведь

наркозависимый человек не принадлежит себе, не в состоянии управлять собой, живет от дозы до дозы. К 20-ти – 25-ти годам все внутренние органы у него оказываются разрушенными, во рту не остается зубов. Вырваться из галлюциногенного плена, из-за которого жизнь пошла крахом, почти никому не удалось. С неизбежным примирял декадентский культ смерти, характерный для этой среды. Смерти предшествовали «бесконечные капельницы, дикие постгероиновые депрессии, переливания крови, срывы и полное ощущение ада» [2, с. 108]. Распространены были попытки суицида, настолько невыносимыми оказывались переживаемые состояния.

Илья Бортнюк резюмирует: «Очень много известных музыкантов, резво начав, быстро закончили карьеру. Не было контроля, но главное – не было информации о том, куда всё это ведет. <...>

Большинство первопроходцев психоделической революции к нашим дням уже умерло» [2, с. 188]. Умерло преждевременно, полностью подорвав свое здоровье, в том числе психическое. И. Стогофф подтверждает: «Я и такие, как я, получили паспорта в год начала перестройки и вступили во взрослую жизнь одновременно с распадом СССР. Всё прежнее кончилось, а ничего нового еще не началось. Спросить совета было не у кого. Ответы предстояло находить самостоятельно. Именно поэтому большинство из моих сверстников сегодня уже мертвы» [2, с. 307]. Это были люди «без тыла» (какой-то объединяющей соотечественников цели, надежных ценностей), не сумевшие справиться со свалившейся им на головы свободой, в основном сводившейся к прожиганию жизни и психотропным экспериментам над собой. Губительной кошмар наркозависимости выкосил, согласно И. Стогоффу, чуть ли не целое поколение: «Практически все, кто начинал эту последнюю русскую революцию, уже мертвы. А те, что уцелели, выглядят так, будто только что выбежали с пожара: огонь уже потушили, а на лице еще видны сполохи» [2, с. 298]. Таким образом, андеграундно-психоделическая волна актуальной музыки в Рос-

сии захлебнулась сама собой. Бесчисленные руины человеческих судеб – цена отдельных ее прорывов. Зато неплохо заработали стоящие за «*психоделической революцией*» наркокартели, и сегодня активно продвигающие свой товар.

Литература

1. Альтернативная культура: Энцикл. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
2. Стогоff, И. Грешники / И. Стогоff. – М.: АСТ; Астрель, 2011.